 © Авторы статьи / Authors of the article

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ/PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.1 EDN: ZCUJWG

МОЛИТВА КАК ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Научная статья

Храмешин С.Н.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-1074-0649;
[1] Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (profes.inter[at]gmail.com)

Предложена: 25.04.2023; Принята: 04.05.2023; Опубликована: 17.04.2025

Аннотация

Данная статья посвящена феномену молитвы. В работе подчёркивается, что человек онтологически чужд материальному миру, но производен от божественного бытия. Молитва призвана подчеркнуть метафизическое измерение человека. Также отмечается то, что молитва своим воплощением указывает на то, что религиозную жизнь и духовное развитие нельзя сводить к соблюдению общих этических правил. Бесспорно, нормы этики важны и обязательно нужны, но они являют собой лишь начальную ступень в духовном восхождении человека. Церковь, как организация божественная, но существующая в физическом мире, призвана содействовать такой организации быта людей, при котором они, оставаясь активными участниками социальных процессов, также вовлекались бы в духовную жизнь, частью которой является молитва. Это подчеркнуло бы то, что человек осмысливает себя не в контексте биологической жизни в мире, где властвует закон смертности, в свете духовного благочестия и сущностной сопричастности Богу. Среди всех религиозных практик молитва обладает особым преимуществом – она наиболее доступна для реализации. Молитве не может воспрепятствовать экономическая бедность, социальная неустроенность и даже, в большинстве случаев, болезнь. Именно доступность молитвы даёт каждому человеку возможность идентифицировать себя как личности, способной к богослужению и сопричастной божественному бытию.

Ключевые слова: молитва, духовный опыт, Церковь, человек, личность, православие.

PRAYER AS A RELIGIOUS LIFE PHENOMENON IN THE METAPHYSICAL DIMENSION OF HUMAN BEING

Research article

Khrameshin S.N.[1, *]
[1] ORCID : 0000-0002-1074-0649;
[1] Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (profes.inter[at]gmail.com)

Suggested: 25.04.2023; Accepted: 04.05.2023; Published: 17.04.2025

Abstract

This article focuses on the phenomenon of prayer. The work emphasizes that man is ontologically alien to the material world, but is derived from the divine being. Prayer is meant to stress the metaphysical dimension of man. It is also noted that prayer by its incarnation indicates that religious life and spiritual development cannot be reduced to the observance of general ethical rules. Ethical rules are undoubtedly important and indispensable, but they are only the initial step in the spiritual ascent of man. The Church, as a divine organization, but existing in the physical world, is called to promote such an organization of people's life in which they, while remaining active participants in social processes, would also be involved in the spiritual life, a part of which is prayer. This would underline that human beings do not conceptualize themselves in the context of biological life in a world governed by the law of mortality, but in the light of spiritual piety and essence of belonging to God. Among all religious practices, prayer has the particular advantage of being the most available for implementation. Prayer cannot be impeded by economic poverty, social dislocation or even, in most cases, illness. It is the accessibility of prayer that makes it possible for everyone to identify as a person capable of worship and a partaker of the divine being.

Keywords: prayer, spiritual experience, Church, person, personality, orthodoxy.

Введение

Тема молитвы в религиозной жизни человека занимает одно из важных мест, охватывая не только ту его часть, которую он проводит в храме во время богослужения, но и домашний быт, повседневное мышление. В современном обществе, где значение христианства заметно снизилась в аксиологической шкале, не каждый видит в молитве какой-либо смысл. Тем не менее люди, которые с высоты прошедших столетий осмысливаются в качестве элиты русской культуры, например, Александр Невский, Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Ф.Ф. Ушаков, Д.С. Лихачёв уделяли молитве значительное внимание. Это обстоятельство заставляет нас обращать научное и общественное внимание на важность напоминания о смысле молитвы как части религиозной жизни человека. Цель данной статьи состоит в объяснении антропологического смысла феномена молитвы.

Основные результаты

 © Авторы статьи / Authors of the article

Одним из феноменов религиозной жизни человека является молитва. Таковая занимает важное место в мировоззрении, структурным элементом которого является языковое выражение чувств. В религиозной культуре есть табуированные термины, а есть благословляемые к употреблению. Особое значение имеет молитва, причём не только по своему духовному и богослужебному смыслу, но и повседневной доступности. Серафим Саровский отмечал: «Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо нет церкви, либо служба отошла; захотели бы вы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы вы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней… А до молитвы уже это никак не относится: на неё всякому и всегда есть возможность – богатому и бедному… и праведнику и грешнику» [6, С. 138]. Для молитвы нужен ясный ум и вера в Бога. Действительно, из всех религиозных практик молитва самая доступная, тем не менее требующая грамотности и памяти. Сейчас нам кажется, что эти требования незначительные, однако для средневекового общества грамотность была редким явлением, поэтому можно утверждать, что молитва имела смысл и в контексте развития образования. Многие тексты, найденные археологами на местах раскопок средневековых городов, содержат молитвы. Распространение христианства всегда сопровождалось просвещением народов, до которых священство стремилось донести суть предлагаемого вероучения. В силу этих обстоятельств необходимо было обучать людей грамоте, а тексты, на основе которых проходил образовательный процесс, чаще всего носили религиозный характер. В жизнеописании преподобного Сергия Радонежского написано так: «Наши благочестивые предки всегда смотрели на обучение грамоте как на дело священное: грамота давала ключ к чтению и уразумению Божественных Писаний» [2, С. 39]. Эти слова подчёркивают то, что священники старались не навязать обществу религию как свод непонятных правил, принимаемых по материальным причинам, а привнести её в само мышление людей и их быт. Любые попытки избежать конструктивных дебатов и утвердить религию без диалога с обществом обрекают миссию на поражение.

В эпоху раннего христианства сложилась культура дискурса, публичных дебатов, которые не всегда отвечали саму духу христианского вероучения, но в контексте апологетики и мессианства были обязательны. Если бы епископы первых христианских Церквей игнорировали бы интеллектуальный и нравственный авторитет философов того времени, прежде всего, неоплатоников, то огонь христианского вероучения не разгорелся бы в глобальном масштабе. Тем не менее духу Христианской Церкви более присуща обстановка уединения, созерцания, внутреннего ментального диалога. Одной из составляющих жизни христианина является молитва, творимая вне публичного пространства. Неслучайно особое место в истории раннего христианства занимает исихазм с его аскетизмом, дисциплиной на уровне монашеского послушания. Этическая составляющая исихазма значительна, что подчёркивается в Большом Советском словаре [8, С. 506], однако не следует считать, что этика являет собой всеобъемлющую сущность традиций исихазма и христианства вообще. «Религия… в целостности своей находится выше морали и потому свободна от неё: мораль существует для человека в известных пределах, как закон, но человек должен быть способен подниматься и над моралью» [4, С. 82]. Уже неоплатоники подчёркивали, что этика есть лишь малая часть духовного развития человека. Никто не отрицает этические нормы в религии, без которых таковая превратится в секту, однако нельзя весь религиозный опыт сводить к нормам морали, к некоему кодексу коммуниста. Такой подход не приносит пользы религиозной жизни обществу, поскольку в этом случае религия может оказаться вытесненной иной формой мировоззрения, в которой каким-либо образом подчёркивается важность этических норм. Религиозный опыт значительно шире морали, «его сердцевиной и мистическим центром является непрестанная Иисусова молитва как часть разработанного православными монахами «умного делания», составляющего мистическое ядро православия» [9, С. 61]. Молитва есть тот самый феномен, который указывает человеку, что соблюдение норм этики приближает к Богу, но не даёт полноты духовного бытия. Человек может отличаться личной и профессиональной порядочностью, добротой, ответственностью, однако эти полезные качества обращены, прежде всего, в социальный мир. Если такой человек не имеет молитвенной практики, то мы не можем говорить о его жизни в контексте религиозного благочестия, так как он явил себя людям, но не Богу. Мы не можем сказать: какова будет посмертная участь такого человека, тем не менее для развития Церкви он малополезен. Молитва же предполагает стремление человека к общению с Богом, причём не только и не столько в контексте просьб мирского характера, а в смысле собственного развития с Тем Существом, для общения с Которым необходимо самому развиваться, поднимать себя выше того материального мира, в котором человек осуществляет своё бытие. Это подобно тому, что ученик для общения с учителем сам должен над собой работать.

Специфика молитвы как вида религиозной активности состоит в том, что в ней выражается онтологическая отличимость человека от остального мира. Молитва угодна Богу, но материальный мир относительно молитвы нейтрален. Молящийся же подчёркивает то, что он соотносит себя, прежде всего, не с физическим, а с божественным бытием. «Человек хотя и сотворен, однако призван участвовать в Божественной жизни. В такой синергии Бога и человека сущность последнего утверждается в собственном бытии и становится подлинно человеческой» [7, С. 46]. Вне Бога человек оказывается ограниченным возможностями материального мира с его неумолимыми физическими законами, лишённым путей реализации того потенциала, которым обладает по своей сущности. Неслучайно П.А. Флоренский подчеркивает: «Существовать – это и значит быть мыслимым, быть помятуемым или, наконец, быть познаваемым Богом» [10, С. 268]. Если человек занимает в социальной иерархии ведущее место, но духовно опустошён и морально разложен, то в религиозном мировоззрении он не имеет места в божественном бытии. Вместе с тем тот, кто праведен пред Богом, пусть и материально и социально неустроен, то он утверждён Богом в качестве человека, а стало быть, у него есть место в божественном мире. Поэтому столь важны церковные таинства и практики, среди которых молитва самая доступная. Человек «призван участвовать в божественной жизни, превосходящей и выходящей за пределы его тварности» [1, С. 210]. Вне молитвы это невозможно.

Примечательно, что в молитве слова важны, но они не обязательно должны сводиться к речевому выражению вслух. Сами по себе слова в их звуковом воплощении являют собой часть физического бытия, которое не является родным для человека, а поэтому его феномены не носят для молящегося фундаментального смысла. Стало быть,

 © Авторы статьи / Authors of the article

молитва может обходиться и без произнесения вслух. «В Православном аскетизме выделяют три «образа» молитвы. Первая словесная совершатся посредством языка. Особенность её в том, что ум не вникает в слова молитвы, сердце остаётся холодным. Вторая мысленная, где ум вникает в слова. Акцент делается на единение с Богом. И третья умно-сердечная молитва. Данная молитва удивительна, в ней ум должен быть в сердце. Через неё Иисус Христос проникает в сердце, и человеческая природа просветляется. Божественная энергия, которую несёт молитва, входит в молящегося меняя его суть. Даже в процессе занятия мирскими делами, молитва в сердце монаха не прекращается» [3, С. 71]. Иначе говоря, молящийся человек может являть себя миру в качестве служителя, например, кухни при трапезной, но это не мешает ему, не прекращая мирского дела, творить молитву. Разумеется, традиции исихазма ограничивают человека для физического мира, поскольку невозможно молиться в уме и при этом охватываться мирскими страстями, особенно греховного характера. В ходе молитвы важно защищать свой ментальный мир от мирских ценностей, прагматичных тенденций. Не каждый священник, тем более женатый, сможет длительное время творить такую молитву, поскольку объективные причины заставят его вникнуть в суть общественных проблем, природу и суть грехов. Если в ходе молитвы человек стремится обрести бесстрастие, то семейные дела лично вовлекают человека в те процессы, которые предполагают эмоциональное осмысление, непосредственное участие в их проистекании. Эти требования, хотя и носят более внешний характер, но объективно важны, поэтому человеку для молитвы полезно уединяться. Более того, в ряде случаях нравственно обоснованно прервать молитву и заняться решением мирских дел. Неслучайно в народной культуре есть выражение: «если не слышишь чужие стоны – не помогут ни посты, ни поклоны». Неслучайно один из героев писателя Николая Лескова говорит: «Птицы должны жить в скале, а человек должен служить человеку» [5, С. 62]. Поэтому, говоря о важности традиции исихазма, нельзя доводить её до крайности, разумно будет соблюдать баланс, в котором богослужение не препятствовало бы социальной полезности личности.

Тем не менее в целом активная молитвенная жизнь предрасполагает к уединённости. Вероятно, по этой причине многие религиозные деятели, снискавшие в народе славу нравственных авторитетов, периодически вели отшельническую жизнь. Нередко они в общественном сознании противопоставляются мирской суете и общественной практичности. «Праведники предстают одиночками, не составляющими группу в социологическом понимании, поэтому их типизация не могла обойтись без апелляции к идеалу… Истоки общности праведников не в социальности, а в сфере нравственности» [9, С. 62]. Иначе говоря, человек религиозной жизни более всего реализует себя не как социально активная личность, а в качестве соучастника божественному бытию и его феноменам.

Организация такого ритма жизни, при котором человек может быть полезным обществу и вместе с тем угодным Богу, составляет одну из задач, которую решает Православная Церковь. В христианском календарном распорядке выделяются особые дни, когда создаются относительно наилучшие условия для молитвенного уединения и человек на определённое время, по мере возможности, концентрирует свою умственную и духовную активность на молитве. Это позволяет наилучшим образом организовать жизнь членов Церкви, с одной стороны не лишая их возможностей реализовывать свои качества в миру, но, с другой стороны, сохраняя их в качестве служителей Церкви, способных к активному духовному росту.

Заключение

Таким образом, мы в качестве вывода можем подчеркнуть то, что молитва есть сущностный феномен религиозной жизни человека, подчёркивающий то, что он онтологически производен не от физического мира, где всякое существование конечно, а от божественного бытия. В таком метафизическом измерении определяется природа человека, а молитва об этом свидетельствует. Слова, произнесённые вслух, для молитвы не являются абсолютно обязательными, однако для молитвы в уме необходим опыт духовной практики, участия в Таинствах Церкви, а также определённая организация своего быта.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Скола А. Богословская антропология / А. Скола, Д. Маренго, Х.П. Лопес. — Москва : Христианская Россия, 2005. — 383 с.

2. Рождественский Н. Житие и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца / Н. Рождественский. — Москва : Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. — 432 с.

3. Берилло И.В. Православная религиозная практика на примере традиции исихазма / И.В. Берилло // Православие. Наука. Образование / Под ред. В.В. Цысь. — Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2021. — Вып. 3(11). — С. 69-77.

4. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. — Москва : АСТ; Харьков: Фолио, 2001. — 672 с.

5. Лесков Н. Скоморох Памфалон / Н. Лесков // Легендарные характеры. Сказки и рассказы. Обозрения. — Москва : АСТ, 2010. — 573 с.

 © Авторы статьи / Authors of the article

6. Федченков В. Всемирный светильник. Преподобный Серафим Саровский / В. Федченков. — Москва, 2000. — 410 с.

7. Панищев А. Представления о метафизических границах бытия человека в православном богословии / А. Панищев // Вопросы культурологии. — 2011. — № 5. — С. 43-48.

8. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. — Москва : Советская энциклопедия, 1993. — 1632 с.

9. Токарева С.Б. Энергийные мотивы в трансляции духовной традиции / С.Б. Токарева // Logos et Praxis. — 2022. — Т. 21. — № 3. — С. 60-67.

10. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. Флоренский. — Москва : АСТ, 2003. — 640 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Skola A. Bogoslovskaja antropologija [Theological Anthropology] / A. Skola, D. Marengo, H.P. Lopes. — Moscow : Christian Russia, 2005. — 383 p. [in Russian]

2. Rozhdestvenskij N. Zhitie i podvigi prepodobnogo i Bogonosnogo otca nashego Sergija, igumena Radonezhskogo i vseja Rossii chudotvorca [Life and Feats of the Venerable and God-bearing Father Sergius, Hegumen of Radonezh and Wonderworker of All Russia] / N. Rozhdestvenskij. — Moscow : Sretensky Monastery; New Book; The Ark, 1998. — 432 p. [in Russian]

3. Berillo I.V. Pravoslavnaja religioznaja praktika na primere tradicii isihazma [Orthodox Religious Practice on the Example of Hesychasm Tradition] / I.V. Berillo // Pravoslavie. Nauka. Obrazovanie [Orthodoxy. Science. Education] / Ed. by V.V. Cys. — Nizhnevartovsk : Nizhnevartovsk State University, 2021. — Iss. 3(11). — P. 69-77. [in Russian]

4. Bulgakov S.N. Svet Nevechernij: Sozercanija i umozrenija [Light of the Everlasting: Contemplations and Reflections] / S.N. Bulgakov. — Moscow : AST; Kharkiv: Folio, 2001. — 672 p. [in Russian]

5. Leskov N. Skomoroh Pamfalon [The Joker Pamphalon] / N. Leskov // Legendarnye haraktery. Skazki i rasskazy. Obozrenija [Legendary Characters. Tales and Stories. Reviews]. — Moscow : AST, 2010. — 573 p. [in Russian]

6. Fedchenkov V. Vsemirnyj svetil'nik. Prepodobnyj Serafim Sarovskij [The World's Luminary. Reverend Seraphim of Sarov] / V. Fedchenkov. — Moscow, 2000. — 410 p. [in Russian]

7. Panishhev A. Predstavlenija o metafizicheskih granicah bytija cheloveka v pravoslavnom bogoslovii [Conceptions of the Metaphysical Limits of Human Existence in Orthodox Theology] / A. Panishhev // Voprosy kul'turologii [Issues of Cultural Studies]. — 2011. — № 5. — P. 43-48. [in Russian]

8. Prohorov A.M. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [The Great Encyclopaedic Dictionary] / A.M. Prohorov. — Moscow : Soviet Encyclopaedia, 1993. — 1632 p. [in Russian]

9. Tokareva S.B. Jenergijnye motivy v transljacii duhovnoj tradicii [Energetic Motifs in the Transmission of Spiritual Tradition] / S.B. Tokareva // Logos et Praxis. — 2022. — Vol. 21. — № 3. — P. 60-67. [in Russian]

10. Florenskij P. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei [The Pillar and Assertion of Truth: Experience of Orthodox Theodicy] / P. Florenskij. — Moscow : AST, 2003. — 640 p. [in Russian]